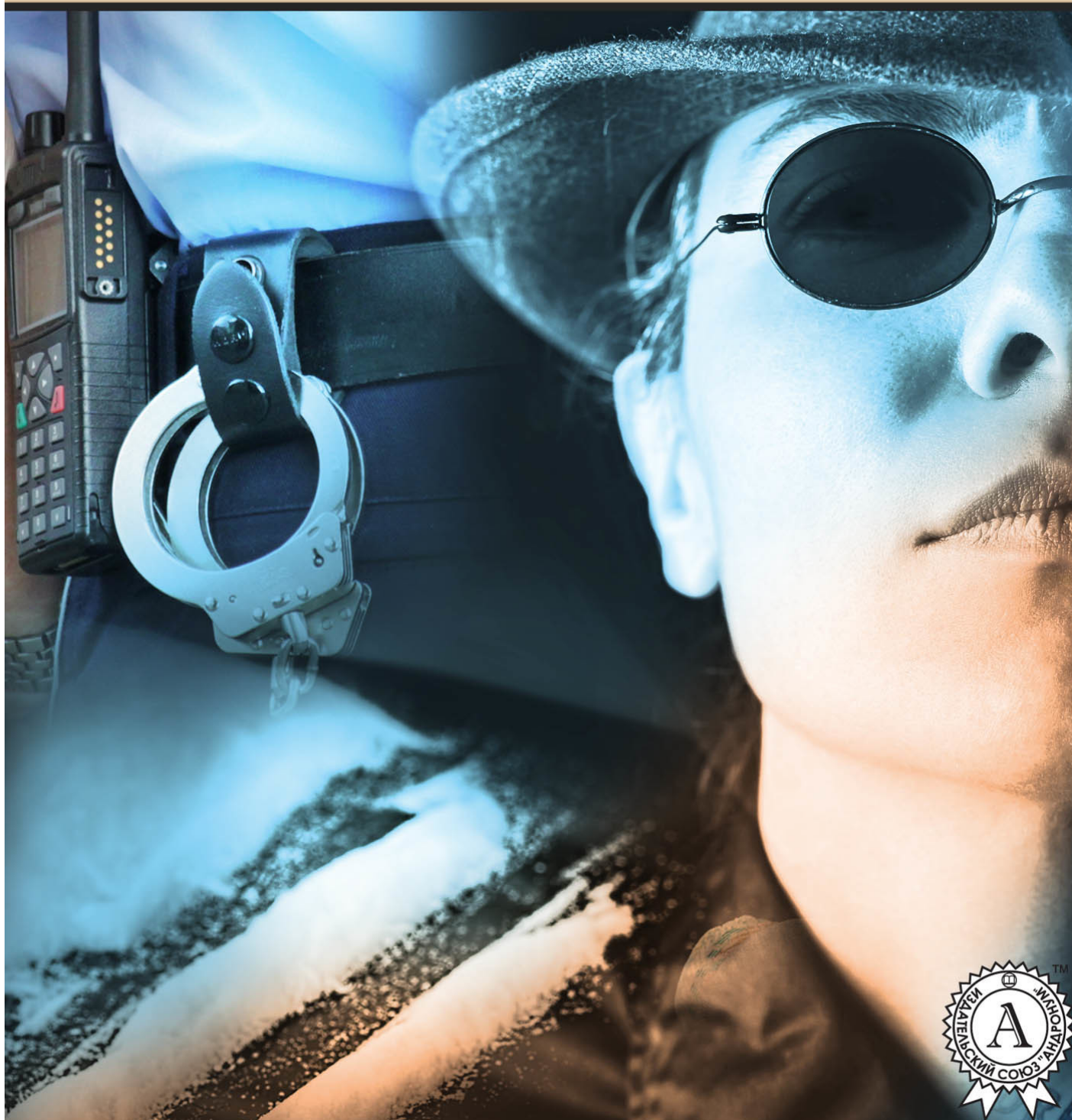

Галина Павлова

ЧУЖИЕ ПРОБЛЕМЫ

Галина Павлова

Чужие проблемы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Павлова Г.

Чужие проблемы / Г. Павлова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

"Чужие проблемы" – вторая часть серии книг «Приключения Полины Агрест». "Добрые дела никогда не остаются безнаказанными", - понимает

Полина, когда соглашается выполнить невинную просьбу сотрудницы Риты поливать цветы в ее квартире, пока Рита будет отдыхать на курорте. К сожалению, сотрудница забывает упомянуть другие проблемы, которые достанутся нашей героине в нагрузку. Отравление наркотиками, трупы в ванной комнате, преследование наркомафией и даже знакомство с Интерполом – далеко не полный их список. Полина Агрест как всегда выйдет победительницей и решит все загадки, которые подкинула ей жизнь.

© Павлова Г.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог (суббота)	5
Понедельник	6
Вторник	9
Среда	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Галина Павлова

ЧУЖИЕ ПРОБЛЕМЫ

Пролог (суббота)

Он уже почти догнал ее. Их разделяли полквартала. Но она, вдруг, ускорила шаг и завернула за угол. Он также зашагал быстрее, затем побежал и вскоре достиг угла дома, за которым скрылась беглянка. Однако улица там была пуста. «Снова ускользнула» – раздраженно подумал он. Продолжать преследование не имело смысла, и мужчина с досадой повернул назад. Январские ранние сумерки плотно окутывали пыльную улицу, усыпанную обертками, банановыми шкурками, пустыми пластиковыми бутылками. По всей вероятности, в светлое время суток на ней располагался стихийный рынок. Проезжая часть была полностью разбита транспортом. В асфальте зияли огромные выбоины, каждая из которых могла стоить автомобилю колеса, но апофеозом разрухи являлись два канализационных люка, крышки которых давно были сданы в металлолом алкашами. Предупреждением транспорту служили сухие веточки, торчащие из отверстий. В сумерках эти проявления местного милосердия были абсолютно незаметны. И жертва терроризма городских властей не замедлила появиться. Небольшой грузовой миниван торопливо следовал своим незамысловатым курсом, конечно же, превышая допустимую скорость. Переднее колесо достигло первого из люков...

Через минуту миниван лежал на боку, а его «нос», сморщенный о фонарный столб, напоминал бульдожью морду. Задние двери машины распахнулись. Из них выпал полуразвалившийся контейнер и рассыпался какими-то коробками по дырявому асфальту.

Мужчина сразу забыл о своей досаде, подбежал к автомобилю и заглянул в кабину водителя. Не заметив признаков жизни внутри, он обошел автомобиль, быстро огляделся и сунул одну из коробок в свой пластиковый пакет...

Понедельник

– Можно тебя на минуточку? – заглянула в мою комнату подруга Рита. За окном хмурился тяжелыми дождевыми тучами январский день, который, к тому же являлся понедельником, на столе валялась нетронутая папка с заданиями, которые нужно было окончить еще вчера. Ни желания, ни времени для светского трепачества в коридоре у меня не возникало. Я хмуро взглянула на Риту, и уже сформированные в предложение слова отказа застряли у меня в горле. Лицо моей подруги было бледным, а огромные черные, самые красивые в нашей организации глаза были полны непролитых слез. Рите срочно требовалась жилетка, куда можно было бы излить свою вселенскую скорбь, и именно мне, по ее мнению, идеально подходила эта роль. Я тяжело вздохнула и молча вышла в коридор.

– Что-то стряслось? – произнесла я пароль и приготовилась выслушать рассказ об очередном преступлении «неблагодарного ревнивого животного» по имени Славик. Он уже третий год являлся мужем Риты и уже начинал сниться мне в ночных кошмарах. Но в этот раз Рита была краткой.

– Ничего особенного, – она изящно смахнула красивым пальчиком слезинку со щеки, чтобы я не особенно доверяла ее спокойствию – Просто мне нужно уехать. Срочно.

Рита на несколько мгновений прервалась, ожидая вопросов. Но я предусмотрительно молчала. Тогда моя подруга немного обиженно продолжила.

– Ты не могла бы, пока меня не будет, поливать цветы у меня дома.

– А Славик не может исполнять эту почетную обязанность? – моя догадка об очередной семейной драме подтверждалась. Но демонстративно вламываться в квартиру, где обитает ее законный жилец, не входило в мои планы. Я не желала быть орудием наказания даже для мужа лучшей подруги.

– Славика больше нет. Он для меня умер. Навсегда, – решительно отрезала Рита, но глаза у нее подозрительно блеснули. Славик умирал уже неоднократно, но всякий раз находил способ возродиться, как сказочная птица Феникс. Поэтому я решила уточнить.

– Ты уверена, что его возмущенный труп не вызовет милицию, если застанет меня с лейкой в твоей квартире?

– Он переехал к маме. Мы договорились о разводе.

– Понятно, – неопределенно пробормотала я. Мне ничего не было понятно, но времени на долгие объяснения, сопровождаемые слезами, не было. Как-нибудь потом.

– Надолго уезжаешь?

Рита спрятала от меня глаза.

– На пару недель.

– А куда?

Она неопределенно пожала плечами.

– В Карпаты. Кататься на лыжах.

Мысль показалась мне неплохой. Ничто так не повышает самооценку женщины после развода, как катание на лыжах в окружении молодых инструкторов. Увидев в моих глазах одобрение, Рита торопливо сунула мне в руку ключи от квартиры и листок бумаги.

– Это инструкция по поливу цветов, – деловито пояснила она – Начинай прямо сегодня. А мне уже пора. Поезд через пару часов.

Она повернулась и побежала по коридору легко и изящно, будто на ее красивых длинных ногах были не зимние сапоги, а сандалии с крылышками, как у бога Меркурия. Я улыбнулась, подумав, что все мужское население Карпат будет стараться утешить ее разбитое сердце, и вернулась к своему компьютеру, автоматически читая инструкцию.

Очень скоро мне стало очевидно, что, согласившись, я поступила опрометчиво. Весь листок пестрел названиями, которые ничего для меня не означали. С недоумением уставившись на записи, я вдруг поняла, что через десять дней у меня уже не будет подружки Риты. Она никогда не простит мне свой загубленный зимний сад, а мне никогда не удастся отличить сансевиерию (поливать не чаще одного раза в 3 дня и не обильно) и белопероне (хорошо поливать ежедневно), кливию (поливать только, когда земля начнет трескаться) и папоротник (вообще не надо поливать)... Что же делать?

– Полина, что с тобой? – склонилось надо мной любопытное лицо Шурочки, моей новой помощницы. Она волшебным образом оказалась не за своим рабочим столом, а рядом с входной дверью. Я открыла рот, чтобы поинтересоваться феноменом, но не успела.

– Наверное, она попыталась обнаружить, что ты за сегодня наваяла, – ответил ей насмешливо другой мой сотрудник Костя из-за своего компьютера. – И у нее ничего не получилось. Я что-то не заметил, чтобы твои руки сегодня прикасались к клавиатуре.

Шурочка нахмурилась.

– У меня не получается.

Невинно сказанная Шурочкой фраза моментально вывела меня из глубокой задумчивости. Ее слова означали лишние три-четыре часа вечернего бдения за компьютером «за себя и за того парня». Для того, чтобы убедиться в Костиной правоте, достаточно было подойти к Шурочкиному компьютеру и посмотреть на экран.

– Ты могла спросить... – давась раздражением, ровно сказала я.

– Не могла. Когда ты начинаешь объяснять, я чувствую себя умственно неполноценной, – моя помощница посмотрела на меня своими круглыми черными, как у галчонка глазами. В них стоял немой упрек, будто я несла ответственность за ее умственные способности.

– Ого! Комплексуем? У нас прогресс налицо, – ехидно заметил Костя. – Или на лице? Слушай, зачем ты вообще училась на программиста? Единственное, что тебя интересует на работе – это, – он обвел глазами комнату в поисках предмета Шурочкиного увлечения и вскоре нашел цветочный горшок, из которого торчал пучок серебристых узких листьев, сплошь покрытых чешуйками, – вот эта плесень на окне.

Костя постоянно «доставал» Шурочку и имел на это полное право. Часть ее работы приходилось выполнять ему, иначе мы не успевали с заказом. Однако по поводу Шурочкиных способностей он был не совсем прав – Наша сотрудница не была безнадежной тупицей. Просто она постоянно пребывала в состоянии влюбленности. И так как любовь ее была вечной, а объекты страстных устремлений менялись довольно часто, думать о работе у нее просто не хватало времени.

– Это не плесень! – полные обиды галочки глаза теперь устремились на Костю. – Это тилландсия эпифитная! Замечательное растение. И очень редкое.

Костины едва не подпрыгнул от восторга.

– Как-как?! Повтори! – он расхохотался.

– Оно, действительно, так называется? – одновременно с Костей спросила я. Шурочка молча кивнула.

– Может, ты имеешь понятие и о других растениях? Ты случайно не знаешь, что означают вот эти названия? – и я протянула ей инструкцию.

Шурочка удовлетворенно взяла в руки листок и с удивлением посмотрела на меня, она явно ожидала прочесть в записке не список растений.

– Знаю. А что?

– Может, опишешь, как они выглядят?

Шурочка напряженно посмотрела на меня, пытаясь понять, не насмешничаю ли я. Но мне, в отличие от Кости, смеяться не хотелось. Тогда в ее глазах промелькнуло лукавство.

– Если хочешь, я могу сходить к Рите и надписать все названия прямо на горшочках с цветами.

– Подслушивать нехорошо, – автоматически заметила я, моментально сообразив, откуда такая точная информация о происхождении списка, – но мысль мне понравилась.

Все равно сегодня мне уже не заставить Шурочку работать.

– Заметано. Иди прямо сейчас. Только сначала купи мне что-нибудь перекусить. По твоей милости я сегодня буду трудиться до победного конца, – и протянула Шуре деньги.

– И мне тоже, будь добра, – добавил Костя, роясь в карманах в поисках мелких купюр – только не всякую травоядную ерунду, а что-нибудь для хищников.

И он постарался как можно плотояднее сверкнуть глазами, но особого впечатления на девушку это не произвело.

– Я иду не в зоомагазин, – парировала она, но деньги взяла. Снова вызывающе посмотрела на Костю, потом таинственно усмехнулась и хлопнула за собой дверью.

Я умиротворенно вернулась к работе, радуясь, что мне больше не о чем беспокоиться. И эта сладкая иллюзия длилась до следующего утра.

Вторник

Если я надеялась, что прошедший понедельник был самым неудачным днем на этой неделе, то глубоко ошибалась. Во вторник вместе с последним ударом часов, означавшим начало рабочего времени, в мою комнату влетел наш шеф, а по совместительству родной дядя Шурочки Георгий Сергеевич.

– Шурочка не появлялась? – его полное красное от гнева лицо и сердито сверкающие из-под очков глаза ничего хорошего племяннице не предвещали. Поэтому ее отсутствие в настоящий момент было для девушки благом. Мы с Костей удивленно переглянулись и пожали плечами.

– Она немного опаздывает, – нейтрально сообщила я. Ничего особенного в этом не было. Шура активно эксплуатировала свои родственные отношения с шефом и часто позволяла себе подобные вольности. – А что за срочность?

Георгий Сергеевич вытер лоб мятым платком и безнадежно махнул рукой.

– Эта бессовестная эгоистка не ночевала дома. Ее мать в истерике. Ее мобильный отключен... Она никому не говорила, куда и с кем она собирается идти вечером?

Мы молчали. Вчера Шура принесла мне пару бубликов, бросила в Костю пакет с его гамбургерами со словами «для особо плотоядных» и исчезла в дебрях вечернего города. Больше ничего я не знала.

– Пришлите ее ко мне, как только появится на работе! Уже двадцать минут десятого. Безобразие. Совсем распустили девчонку. И уберите эту гадость с окна! – бросил он напоследок взгляд на тилляндсию эпифитную и выкатился из комнаты, хлопнув дверью, как большой и очень сердитый колобок.

Я повернулась к Косте. За все время нашей содержательной беседы с шефом он не проронил ни слова, что ему было совершенно не свойственно. Вид у него был угрюмый.

– Так. Следующий в очереди на трагедию. Интересно, что произошло с тобой?

– Послушай, – начал он, давась словами и сосредоточенно выискивая что-то глубоко спрятанное на мониторе. – Ты только не говори пока шефу. Ему скоро сообщат без нас, а я не хочу быть замешанным в это.

– Во что? – чем дальше в лес, тем интереснее. Даже если я не успею сегодня поработать, то и заскучать мне все равно не дадут.

– В общем, Шурочка в больнице. С отравлением. А ключи от Ритиной квартиры вот.

Он замолчал и протянул мне ключи, а до меня начал постепенно доходить смысл сказанного.

– Ты вчера был с Шурой в квартире Риты.

– Только не говори никому, – не отрицал мой сотрудник. – Мне неприятности с Ленкой ни к чему.

Косте было тридцать лет, восемь из которых он был счастливо женат на красавице Лене из соседнего отдела, но никак не мог отказать себе в маленьких радостях, которые то и дело подбрасывала ему жизнь. Как я раньше не догадалась! Шурочкина влюбчивая натура сделала ее легкой добычей его эффектного экстерьера и вальяжно-циничной манеры общения с женщинами. Меня не волновала личная жизнь моего сотрудника и его нравственные устои, мы прекрасно работали вместе – и это все, что от него требовалось. Но завести роман в организации, где работает его жена, в своей собственной группе, да еще и с племянницей шефа!

– Бог мой! А я то думала, что ты один из немногих мужчин, которые думают именно головой. Так, господин сексуальный маньяк, признавайся, что ты сделал с девушкой!

– Да ничего я с ней не сделал! – исторгся крик из Костиной души. – И не смотри на меня, как на совратителя несовершеннолетних. Она сама мне в пакет с гамбургерами записку положила, с адресом и приглашением.

Я вспомнила Шурочкину вчерашнюю таинственную улыбку. Похоже, что ее влюбчивость на этот раз была ни при чем. Девушка просто решила проучить своего, как она полагала, главного «доставальщика», зная основную его слабость. История обещала быть по настоящему забавной.

– Понятно. С этих пор ты думал уже не головой.

Костя насмешливо посмотрел на меня и парировал.

– Не у всех хватает силы воли на высокие моральные принципы. Некоторые действуют под воздействием импульса. И хватит издеваться над убогими. Мне нужна помощь и поддержка. Это в твоих интересах. Иначе я совсем расклеюсь, и тебе придется еще и мою работу выполнять.

– Ладно, шантажист, рассказывай.

– В общем, после работы я купил цветы, шампанское и конфеты и пошел в квартиру к Рите. Не смотри на меня, как на дебила. Что я еще мог ей принести? – Костя досадливо передернул плечами в ответ на мой скептический взгляд – Когда я пришел, Шура сидела на диване и что-то писала за журнальным столиком. Увидев меня, она оставила свое занятие, заявив, что тебе на первый раз достаточно информации.

Мы похихикали немного и выпили шампанского. На этом наше романтическое свидание окончилось. Саньку от шампанского развезло сразу же. Она позеленела, сказала, что ей нехорошо. Потом побежала в ванную и там потеряла сознание.

– От одного бокала шампанского? – я хорошо помнила, что во время наших корпоративных праздников Шура одним бокалом шампанского не ограничивалась и чувствовала себя вполне адекватно, и продолжила игру. – Может, вино было некачественное?

– Но я тоже его пил. Нормальное вино. И конфеты нормальные.

– А больше ничего не ели?

Костя горестно покачал головой и задумался. Потом его вдруг осенило.

– Перед моим приходом она принимала лекарства от головной боли. Она упоминала, что Рита простит ей одну таблетку.

– Паршивка, – фальшиво вознегодовала я. – Рита будет считать, что это я рылась в ее вещах.

– Может, это таблетка и шампанское?

– Возможно. Ты звонил в больницу?

– Еще нет.

Номер телефона нашей БСМП я узнала быстро, но на этом моя удача закончилась. В приемном покое, ни о какой пациентке с острым пищевым отравлением, поступившей вчера вечером, в частности, Александре Гутовой ничего не знали. Я вооружилась терпением и обзвонила все городские больницы, благо их было не так много. Но ничего нового не выяснила. Моя версия о том, что Шура решила разыграть Костика, подтверждалась. Жаль, что девчонка не могла видеть его в эту минуту. Она бы чувствовала себя полностью отмщенной.

– Признавайся, куда ты ее дел? Задушил в пароксизме страсти и закопал по частям в цветочных горшках? – я продолжала наслаждаться. Очень уж забавляла меня растерянность и страх в глазах моего легкомысленного сотрудника.

– Прекрати свои идиотские шутки. Мне не до смеха. Если с ней что-то случилось, и кто-нибудь узнает, что последним с ней был я... – голос у незадачливого ловеласа сел, – Послушай, я сделал все, что мог. Вызвал скорую. Дождался машины. Мне сказали, что ее повезут в БСМП. Я решил с ней не ехать, сама понимаешь почему. Когда ее увезли, я закрыл дверь и ушел домой. Все.

Понятно. Как только Костя скрылся за горизонтом, Шура, по всей вероятности, извинилась перед бригадой скорой помощи и ускользнула. А чтобы урок запомнился надолго, решила переночевать у какой-нибудь подружки. Жаль, конечно, Георгия Сергеевича, но Костя теперь подумает, прежде чем начнет снова иронизировать по поводу Шурочкиного интеллекта. И, конечно же, очень хорошо подумает прежде, чем соглашаться на подобного рода свидания. Ай, да Шурка!

– Может, ее просто забыли записать в регистрационную книгу? – продолжал паниковать Костя.

– Существует только один способ узнать, правда? Сходи в БСМП и узнай. С твоим обаянием – все регистраторши твои.

– Боюсь, что мое обаяние покинуло меня надолго. Слушай, а ты кого-нибудь знаешь в этой проклятой больнице? Может, пойдем вместе?

Я посмотрела на Костю и колебалась: облегчить его душу сейчас или пускай сходит в больницу? Наконец, приняла промежуточное решение.

– Ладно. Я подумаю, а сейчас давай работать, – намеренно хмуро буркнула я и уткнулась в компьютер, чтобы не засмеяться. Костя с облегчением вздохнул и тоже занял свое рабочее место, хотя я сильно сомневалась, что у него до конца дня что-нибудь сдвинется с мертвой точки.

Моего сурового молчания хватило всего на пару часов. После я не выдержала и постаралась пояснить Косте ситуацию.

– Нет. Не может быть, – не соглашался он. – Она не могла так сыграть обморок. Она была вся бледно-зеленая, и пульс едва прослушивался. Давай сходим в больницу и убедимся в твоей правоте. Если она меня провела, я обещаю больше никогда над ней не подшучивать.

– Хорошо. А если прав ты?

– Ты сама, не упоминая моего имени, расскажешь шефу, что она в больнице.

Я была уверена в своей правоте, поэтому согласилась. И вечером мы поплелись в больницу скорой помощи. Основные надежды возлагались на то, что вызов на дом обязательно фиксируется. А значит, можно будет установить бригаду медиков, которая выезжала к больному. Они-то и смогут успокоить мои сомнения и Костину совесть

.

* * *

– Да, – подтвердила пожилая женщина-регистратор – вызов был. Но поступала ли пациентка в больницу, или ей оказали помощь на дому, я вам сказать не могу. Вам следует поинтересоваться в приемном покое.

– А там не могли забыть ее зарегистрировать? – поинтересовался Костя.

Женщина засмеялась.

– Вы шутите? Это же человек, а не зонтик.

– А вы не могли бы нам сказать, кто ездил на вызов?

– Вам это не поможет. Бригада сейчас выходная. Поинтересуйтесь через пару дней.

Мы были разочарованы. В приемном покое нам уже на дверь указывали.

– Ты говорила, что уже лежала в этой больнице, – бросил Костя пробный камень.

– Ну, и что?

– Может, ты кого-нибудь из врачей знаешь? Ему-то, точно в справке не откажут.

Кое-кого из врачей я, конечно, знала. И не могу сказать, что это знакомство было приятным как для меня, так и для врача. Но снова возвращаться в больницу через пару дней по темному холодному городу после рабочего дня не хотелось. Ладно. Я переживу эту встречу. Наде-

юсь, и мой бывший лечащий врач-травматолог, Владимир Александрович Ковальский особого потрясения не испытает. Костя остался в приемном покое. А я через пару минут уже пробираюсь по бледно-зеленым коридорам в знакомую мне палату.

Здесь ничего не изменилось с тех пор, как я с сотрясением мозга и множественными ушибами была одной из обычных обитателей этой палаты – неподвижных мумий, обмотанных белыми бинтами и закованных в гипс.

– Боже мой! Знакомый затылок! – раздался за моей спиной знакомый суховатый голос. Я обернулась.

– Глаза меня не обманули. Полина Агрест, – я должен был это ожидать. День с самого утра был исключительно неудачным.

Его насмешливый взгляд скользнул по моему лицу.

– Итак, чем обязан? Судя по вашему внешнему виду, лично вам моя профессиональная помощь не нужна.

Он за год почти не изменился. Такой же худощавый, с усталыми серыми глазами и немного взъерошенными русыми волосами. Может, только еще немного похудел.

Я почему-то заволновалась и поторопилась объяснить ситуацию. В палате было так тихо, что можно было ощущать, как три мумии на кроватях напряженно вслушиваются в мой шепот. Только глаза поблескивали из-под бинтов. Для них это было редкое развлечение в бесконечной скуке неподвижности.

– ...Вы считаете, что сочетание какой-то таблетки от головной боли и нескольких глотков шампанского могло привести к таким последствиям?

– Я не могу ничего сказать. Мне нужно знать, что именно она выпила. Ты можешь мне принести конвалюту?

– Я поищу сегодня. А по поводу второй просьбы?

Он задумчиво посмотрел на меня.

– Почему у меня такое ощущение, что твоя на первый взгляд невинная просьба будет стоить мне неприятностей?

– Неужели вы доверяете ощущениям? – бодро поинтересовалась я.

– Не всегда. Только, когда я имею дело с тобой, – отрезал он. – Ладно, подожди пару минут.

Все погрузились в сонное молчание, и к тому времени, когда Владимир Александрович снова ворвался в палату, я уже полностью углубилась в воспоминания о моем прошлом трагическом пребывании в этом печальном месте.

– Все в порядке? – окинул он подозрительным взглядом неподвижные фигуры.

– Как видите, никто не сбежал.

Мы вышли в коридор. Владимир Александрович задумчиво посмотрел на меня.

– Похоже, что твоя сотрудница, действительно не поступала к нам. Ты уверена, что ее увозили?

– Так утверждает ее... э... молодой человек.

Я рассказала о тех щепетильных обстоятельствах, в которых оказался Костя, и о своих подозрениях.

– Ты полагаешь, она его просто разыграла?

Он задумчиво смотрел сквозь меня.

– А что Вас смущает?

– Она должна была быть Сарой Бернар или, по меньшей мере, йогом. Так сыграть потерю сознания, чтобы в это поверил врач. Хотя, все это завтра должно проясниться, правда?

Я кивнула, но его слова поколебали мою железную убежденность в Шурочкином коварстве.

– Но, на всякий случай постарайся принести мне эти таблетки.

Мы направились к выходу. Владимир Александрович некоторое время задумчиво молчал и, наконец, решился.

– А... – он замялся.

«Вот. Старая любовь не ржавеет» – философски подумала я. Год назад Владимир Александрович был сильно не равнодушен к моей соседке Лене, что позволяло мне действовать ему на нервы совершенно безнаказанно. Но его надежды закончились, как только на мою подругу свалилось немыслимое богатство, а вместе с ним и совершенно иная орбита вращения. Я была невольным напоминанием об этом эпизоде из его жизни, поэтому и старалась не попадаться лишний раз на глаза.

– Я о ней ничего не знаю. Богатые и знатные в «хрущебах» не живут.

Он засмеялся и покачал головой.

– Вообще-то, я хотел спросить, почему ты вечером болтаешься по городу одна. Где твой эскорт?

Он имел в виду моего бывшего однокурсника, с которым у меня в то время был кратковременный и очень неудачный роман. Мне очень не хотелось касаться своих личных фиаско, и я обрадовалась, увидев на горизонте Костю.

– Вот и он.

– Это твой новый друг? – удивился врач.

– Нет. Это Шурочкина жертва.

– Чудесно! Вот бери жертву и ищи таблетки. А мне пора.

Он сухо попрощался со мной и быстро зашагал в свое отделение. Мне показалось, что его настроение внезапно улучшилось. Наверное, потому что его предчувствия по моему поводу не подтвердились. Однако, как позже выяснилось, был еще не вечер.

* * *

– Ты уверена, что тебя не надо провожать? – спросил Костя, когда мы вышли из больницы.

– Уверена. Сейчас только восемь часов. А квартира Риты как раз по дороге к моему дому. Ничего со мной не случится, – нытье моего сотрудника успело смертельно надоест мне еще на работе, и вскоре мы разошлись в разные стороны.

Чем дальше от освещенной остановки я углублялась в холодную темноту январского вечера, тем неуверенней себя чувствовала. В голове почему-то крутилась мысль о Шурочкином розыгрыше и о замечании Владимира Александровича. Могла ли Шура так ловко имитировать свое бессознательное состояние, чтобы в это поверил опытный врач? Сейчас мне это тоже казалось маловероятным и беспокоило. А если она не притворялась? Что с ней произошло в этом случае? И куда она исчезла?... Мне почему-то стало жутковато, и я оглянулась. Какая-то темная фигура метнулась за угол, и меня вдруг охватила паника. Я бросилась бежать, как будто за мной гнались, по крайней мере, несколько маньяков, и очнулась уже около двери Риткиной квартиры. С трудом отворив дрожащими руками замок, влетела внутрь и заперла за собой дверь.

– Параноичка, – устало выругала я себя, опираясь о стену и напряженно пытаясь понять, а было ли преследование, или это плод моего богатого воображения? Как бы то ни было – все позади. Я вздохнула, стараясь привести нервы в порядок, щелкнула выключателем и огляделась.

Меня окружали джунгли. Растения всех видов и цветов равномерно занимали все шестнадцатиметровое пространство небольшой однокомнатной квартиры. Одни представители местной флоры торчали зелеными небритыми бородавками на подоконнике, другие зловеще вились по стеклу окна и закрывали своими сочными листьями все его пространство, создавая

в комнате тяжелый удушливый полумрак тропического леса в сезон дождей. Углы занимали угрожающего размера странные деревца. А генералом всей этой зеленой армии выдавалась вперед почти в центр комнаты достаточно высокая, уродливо несимметричная пальма. Нормально существовать в таком климате могли, наверное, только амазонские индейцы и рептилии. Рита не могла принадлежать ни одной из этих двух категорий, поэтому ее увлечение оранжерейными растениями, на мой взгляд, имело свой тайный смысл. Мне казалось, что таким образом моя сотрудница подсознательно старалась выдать из своего жизненного пространства чужеродный элемент – мужа. Потому и растения так похожи на испанских конкистадоров времен завоевания Америки – пестрые и агрессивные. Я улыбнулась своему сравнению и твердо решила повести Риту к психотерапевту сразу после ее возвращения.

К моему удивлению ни таблеток, ни обещанных Шурой наклеек на горшках, ни даже изначальной инструкции по поливу я найти не смогла. Завтра допросим Костю с пристрастием. А сейчас я оставалась один на один с враждебной мне флорой совершенно безоружной. Конечно же, Владимир Александрович переживет отсутствие таблеток от головной боли, но растения... Как же кого поливать?

Промучившись сомнениями несколько минут, я, наконец, решила полить все цветы одинаково, а завтра взять за шиворот Шуру и притащить с собой. После того, как судьбоносное решение было принято, я торопливо двинулась в ванную, где согласно инструкции хранились бутылки со специально отстоянной водой. Может, мне все-таки повезет, и я найду там и Ритулину аптечку?

Несколько шагов до санузла были преодолены беспрепятственно. Но, толкнув дверь ванной, я обнаружила, что она заперта. Сердце у меня сжалось. Если к столкновению с представителями флоры в Ритиной квартире я была морально готова, то само наличие фауны было потрясением. Кто это может быть? Вор? Переволновался, вспотел и решил задаром покупаться в ванной?

– Интересно, – раздался глухой и печальный голос из-за двери. – Как самоубийцы не боятся вместе с венами на запястье перерезать себе и сухожилия?

– Наверное, они считают, что им сухожилия больше не потребуются, – автоматически ответила я и перевела дух. Это всего лишь Славик! Мне раньше не приходилось сталкиваться с Ритулиным мужем лицом к лицу, но теперь стало абсолютно ясно, каким образом он каждый раз мирился с моей подругой.

– Ты не Рита, – логично предположил за дверью будущий самоубийца. Печаль волшебным образом исчезла из его голоса.

– Очень трезвая для самоубийцы мысль. И если вы еще не начали экспериментировать со своими сухожилиями, то позвольте мне сначала взять бутылку для полива цветов, – мне стало смешно. – И оденьтесь, пожалуйста. Голые трупы вызывают у меня тошноту.

– Как хочу, так одеваюсь в собственном доме. Вы-то кто? – раздраженно допытывались из-за двери.

– Сотрудница Риты. И у меня мало времени. Если вы обещаете самостоятельно поливать цветы, то я сейчас же ухожу.

– Подождите!

Через минуту дверь отворилась. Из ванной вывалился невысокий мужчина лет тридцати пяти, с покрасневшим от теплой ванны лицом ипохондрика и пивным животиком, который небрежно нависал над поясом махрового банного халата. В руке у него была бутылка с водой. Вот это и есть Ритулино «отвратительное ревнивое животное и проклятый мачо»? Я развеселилась.

– Славик, муж Риты, – коротко представился он. – А куда уехала Рита?

– В отпуск. Более конкретно не могу сказать.

– Надолго?

– Дней на десять. Так что у вас еще есть время прорепетировать сцену. Почитайте классику, посмотрите сериалы. В этот раз неубедительно получилось. Я бы не поверила.

– Вы жестокая, – вздохнул он. – И Ритка тоже. Все вы одинаковые.

– Точно, – я взяла из рук собеседника бутылку. – Это для полива?

– Угу, – Славик перебрался в комнату и неуклюже плюхнулся на диван. Он некоторое время наблюдал за тем, как я неумело поливаю цветы, потом изрек:

– Она мне изменяет. Он был здесь. Сегодня.

– Откуда вы знаете?

– Я слышал, как он ходил по квартире.

Слышал, но не вышел из ванной. Испугался. Я принялась расковыривать сухую землю под пальмой, лопаткой, которая валялась рядом, стараясь сдерживать смех. Да вы храбрец, господин мачо!

– А может, это воры были?

– Нет. Ничего не украдено. Я проверил.

Я представила себе, как он прислушивался к шагам, дожидался, пока они затихнут. Потом вылез из ванной, все проверил, а затем снова влез в ванную. Выглядело все неестественно. Если бы это был вор, он не стал бы топтать по мягкому ковру так, что можно было бы услышать в закрытой ванной, где плескалась вода. Да и вор, если у него, конечно все нормально с головой, сначала проследит, чтобы в квартире, которую он собирается проведать, никого не было. Скорее всего, Славик слышал шаги соседей с верхнего этажа. Я не стала его разочаровывать, и с удвоенной силой начала глубоко разбивать сухую землю в следующем цветочном горшке.

– А почему вы отозвались на мои шаги? Вдруг это тот человек вернулся?

– Вы думаете, я женские шаги не отличу от мужских?! – уже раздраженно заметил он. – Что вы там ковыряетесь! Испортите Риткин цветок, она вам голову оторвет.

Знакомые речи. Со дня моего собственного развода прошло уже более трех лет, но я до сих пор не выношу, когда мужчина, уютно усевшись на диване, смотрит, как я тружусь, и дает по этому поводу ценные указания. Поэтому, почувствовав, как сквозь мягкую пушистость моего терпения начинают пробиваться ядовитые колючки, сухо заметила:

– Слушайте, не утомляйте меня. Лучше полейте цветы сами. И помните: я больше не приду. Так что за пальму сами будете перед Ритой отчитываться.

Я бросила лопатку в горшок и повернула к выходу. Мой собеседник быстро оценил ситуацию и решил, что ответственность за цветы слишком тяжела для его хрупкого положения в их с Ритой семье.

– Постойте! Не уходите. Я не могу оставаться здесь один, – совершенно другим, напряженно-плаксивым тоном сказал он и вдруг всхлипнул. – Я себя убью.

Почему я должна это слушать? В конце концов, я обещала Ритуле только поливать ее цветы. Няньчить ее мужа в мои обязанности не входило. Но и рисковать было страшновато. Слишком быстро он переходил от раздражительности к слезливому хныканью. Кто знает, на что это существо способно?

– Ладно. Переоденьтесь, – я отвернулась от Славика и торопливо приступила к поливу странного растения, похожего на торчащие из земли позеленевшие женские пальцы. Завтра спрошу у Шуры, как это безобразие называется. Далее по очереди следовала уже знакомая мне тилландсия эпифитная...

Едва я окончила свое занятие, как за моей спиной послышались неуверенные шаги.

– Я готов, – сообщил мой чемодан без ручки.

– Молодец, – похвалила я, подошла к телефону и начала набирать номер диспетчерской такси.

– Что вы делаете?

– Вызываю такси. Я сдам вас на руки вашей маме. Потом можете себя убивать.

Через час, сдав объект из рук в руки, я добралась домой, где меня ждала бабушка и ужин... Мой сумасшедший вторник, наконец, окончился. Полив цветов оказался делом не только хлопотным, но и дорогостоящим, так как мама Славика жила в другой части города. О таблетках от головной боли в этот вечер я так и не вспомнила.

Среда

Рванув на себя двери офиса, я столкнулась с суровым взглядом шефа. Он сухо приветствовал меня и быстро скрылся в своем кабинете. В нашей комнате меня ожидал поникший Костя. Моя помощница на рабочем месте снова не появилась. Радужная гипотеза о Шурочкиной остроумной выдумке разваливалась. Два прогула – чересчур дорогая цена за шутку над сотрудником. Даже самым противным. А если так, все события вчерашнего дня приобретают совершенно иное звучание. И просьба Владимира Александровича больше не казалась досужим любопытством, а слова Славика о каком-то взломщике – попыткой привлечь к себе несчастному внимание и сочувствие. Все, начиная от внезапного приглашения Шурой Кости, до загадочного ее исчезновения, было абсурдно и нелогично.

Едва дождавшись окончания рабочего дня, я устремилась через темноту, холод и легкую поземку в квартиру Риты.

Квартира встретила меня мощным порывом сквозняка. Я зажгла свет и обнаружила, что створка окна в комнате открыта. Наверное, Славику после ванной вчера было сильно жарко, а я была слишком занята, изображая крутого циника, чтобы это заметить. Закрывать же окно перед уходом он забыл. Проведя быструю рекогносцировку, я с облегчением заметила, что цветы не пострадали от внезапной перемены климата. Однако возле самого окна в одном из горшков грустно поник и скукожился пучок серо-зеленых листьев. Кажется, Тилляндсия Эпифитная! Что же делать? Купить мне его, наверняка, не удастся. А Шура мне свой экземпляр по-хорошему не отдаст. Мигрень, тихо затаившаяся в районе правого виска, воспрянула и начала медленно, но неотвратимо завоевывать вторую половину моей головы, а где-то в груди, зрело возмущение несправедливой судьбой, которая заставляла тратить драгоценное время на чужие проблемы. Когда жалость к себе стала почти невыносимой, я решилась. Останки Тилляндсии эпифитной отправились ко мне в сумку. После того, как Шурочка появится на рабочем месте, у нее будет достаточно проблем, кроме исчезнувших зеленых насаждений на окошке. Задача наполовину разрешена, оставалось только полить цветы и возвращаться домой.

Мне оставалось сделать только несколько шагов в необходимом направлении, как раздался звонок в дверь. Славик! Я почти обрадовалась. Все мое накопившееся за день раздражение требовало выхода. И Муж моей подруги идеально подходил на роль мальчика для битья. Решительным шагом я направилась к двери и рывком отворила ее.

Неделя неожиданностей продолжалась. У входа стоял незнакомый молодой человек, лет двадцати семи. Одет он был несколько легко для нашей погоды в голубые джинсы, демисезонную спортивную куртку и легкую лыжную шапочку, вокруг шеи обмотан тонкий шарф. Лицо его было красным от ветра, в руках небольшая дорожная сумка.

– Здравствуй, Рита! Наконец-то, ты вернулась, – немного застенчиво улыбнулся он, постукивая зубами от холода, и попытался проникнуть сквозь меня в теплую комнату. Я автоматически отступила и пропустила его внутрь. Иначе он мог просто умереть от холода прямо на лестничной клетке.

– Я звонил тебе целый день, но тебя не было. Мне некуда было деться, и я совершенно замерз.

Он произносил слова с легким прибалтийским акцентом и обращался ко мне искренне и дружелюбно, как к старой знакомой, что для меня было абсолютно необъяснимо. Пока я пыталась собраться с мыслями, незнакомец успел снять с себя куртку, шапочку... и оказался альбиносом. Нет, глаза у него были не розовые, а светло-серые, но вся остальная растительность на лице: ресницы, брови, волосы – цвета первого снега. В довершение всего, эта снежная поросль на его голове мелко по-негритянски курчавилась. На меня это почему-то произвело настолько сильное впечатление, что на некоторое время я потеряла не только дар речи, но и возможность

двигаться. Просто стояла перед ним и изображала какой-то природный сталагмит в Риткиной пещере чудес. Пришельца, впрочем, моя каталептическая неподвижность совершенно не смутила. Он деловито прошел в комнату и сел на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.